



ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

ИЗБРАННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД



КОРСАР

I suoi pensieri in lui dormir non ponno.
Tasso, Gerusalemme Liberrata, canto X.*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

...nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

*Dante, Inferno, V. 121—123**.*

1

«Над бурной далью темносиних вод
Царит наш вольный, беспокойный род;

* В одном вожде заснуть не могут думы.

T. Tasso, Освобожденный Иерусалим, песнь X.

** ...Тот страдает высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастьи...

Данте, Ад, V, 121—123.

Везде, где ветер, где волна кругом, —
Держава наша, наш свободный дом!
Владеньям нашим нет нигде границ,
Пред нашим флагом все склонились ниц.
Вся наша жизнь — кипение борьбы
И радость переменчивой судьбы.
Кто знает?.. нет, не похотливый раб,
Изнежен роскошью и духом слаб,
Не честолюбец, жаждущий утех,
Чей сон не крепок, чей не весел смех.
Кто знает, как не тот, кто ликовал,
Встречая грудью разъяренный вал,
Волненье чувств, горячей крови ток,
Знакомый всем скитальцам без дорог?
То чувство делает прекрасным бой,
Опасность — упоительной игрой.
Где трусу — страх, ему — высокий взлет,
Где слабый гибнет, там оно живет,
Живет, в груди взволнованной родив
Надежд и вдохновения прилив.
Коль недруг гибнет — гибель не страшна,
Хоть и скучнее отдыха она.
Мы взяли жизнь — иди же, смерть, сюда!
Что кончится — болезнь или вражда?
Пусть тот, кто, немощью пленен, живет,
Лелея хворь свою из года в год,
Трясаясь в жару, считая каждый вздох.

Ему — постель, а нам — зеленый мох.
Он испускает дух за часом час,
Наш дух мгновенно покидает нас.
Пусть ждет его богатый саркофаг
И льстит его костям исконный враг.
У нас скупые слезы — не обман,
Когда хоронит наших океан.
На пиршествах о нас идет рассказ,
И красный кубок ходит в память нас.
Герои над добычей в час побед
Припомнят тех, кого уж больше нет,
Сказав — и омрачится блеск их глаз:
«Как тот, кто пал, смеялся бы сейчас!»

2

Такая речь звучала до утра
На острове Пиратов вокруг костра.
От слов таких шел трепет между скал,
Их звук, как песня, для бойцов звучал!
На золотом песке они сидят,
Кинжалы точат, мечут банк, едят
И смотрят, взяв оружие свое,
На тусклое от крови лезвие.
Кто чинит лодку — руль или весло,
Кто бродит в думах, опустив чело;

Кто поусердней, ловит птиц в силки
Иль сушит сеть и правит поплавки;
Впиваясь взором в сумрак голубой,
Ждут дальних парусов, несущих бой;
Ведут делам давно минувшим счет,
Гадают, где-то их удача ждет.
У них есть вождь. Добычу делит он,
Никто из них не будет обделен.
Но кто же этот вождь? Известно им,
Что он прославлен и неустрашим.
Повелевает он, и сух приказ,
Но безошибочны рука и глаз.
Не делит с ними он веселый смех —
Ему прощают мрачность за успех.
Его не радует стаканов звон,
Ни разу кубка не пригубил он,
Но и простой еды его зато
Не захотел отведать бы никто.
Коренья, черный хлеб, глоток воды,
А летом овощи или плоды.
Такой неслыханно суровый стол
Отшельнику скорей бы подошел.
Так он лишает плоть свою забот,
Но в воздержанье дух его растет.
«Держи на берег!» Держат. «Стой!» Стоят.
«Теперь за мной!» За ним тотчас спешат.
Он их ведет, спокойный средь побед,

И все послушны, и отказа нет,
А тем, что, сомневаясь, возразят,
Ответ — два слова и надменный взгляд.

3

«Вон — парус! парус! Наконец борьба!
Что говорит подзорная труба?»
Знакомый парус, хоть, увы! не враг,
Высоко вьется яркокрасный флаг.
Да, это наш домой спешащий бриг.
Сильней дуй, ветер! Пусть домчится вмиг!
Он огибает мыс, в родной залив
Влетает, брызгами себя покрыв,
Стремительный и легкий, как стрела!
Широко вскинув белые крыла,
Он по воде несется, как живой,
Готовый к бою с небом и водой.
Кто не поспорит с бурей и огнем,
Чтоб первым стать на корабле своем!

4

Со скрипом якорный ползет канат,
И спущенные паруса лежат,
И видно с берега стоящим там,
Как шлюпки замелькали по волнам.

Взмах весел быстр, размерен и широк,
И вот уж киль царапает песок.
О, крик привета! И слова — рекой,
Когда рука встречается с рукой,
Вопрос, стремительный ответ и смех,
И праздник, ожидающий их всех!

5

Толпа растет, и новости текут,
Гул разговоров, хохот там и тут.
И женщин речь тревогою полна,
Звучат мужей и братьев имена.
«О, живы ль наши? с кликами побед
Вернутся ль снова? иль уж многих нет?
Где бой грохочет, где бушует вал,
Как львы дрались они, — скажи, кто пал?
Пусть поскорей обрадуют нас, пусть
Лобзанием рассеют нашу грусть!»

6

«Где вождь? Есть новости издалека.
Свиданья радость будет коротка:
Чудесный миг уж скоро позади.
Скорей, Хуан, к вождю нас проводи!»

Устроим пир, когда назад придем,
И все тогда узнают обо всем».
К высокой башне, сумрачной во мгле,
Тропинкой, высеченною в скале,
Где вьется плющ, где дикие цветы
И где ключи, спадая с высоты,
Текут и плещут, как потоки слез,
И пить зовут, с утеса на утес
Они взбираются. Кто, одинок,
Стоит меж скал и смотрит на восток,
На меч опершись сильною рукой,
Отринувшей утехи и покой?
«То он, Конрад, задумчив, как всегда.
Хуан, скажи, что мы пришли сюда!
Он видит бриг, — дай знать ему тотчас,
Что спешные известия у нас!
Как быть? Ты знаешь сам, что ждет того,
Кто оборвет задумчивость его».

7

Хуан пошел, и ждут они вдали.
Вождь молча сделал знак, чтоб подошли.
Хуан зовет, — идут; на их поклон
Кивнул, но слова не промолвил он.
«Вот письма, вождь, от грека-старика:

Опасность кажется ему близка,
И новости, что он собрал вокруг,
Мы все...» — «Довольно!!» загремело вдруг.
Они в смущенье отошли гурьбой
И тихо шепчутся между собой,
Украдкой взирая на чтеца,
Чтоб уловить игру его лица.
Но он в волненье, словно им назло,
Гордыни полный, отвернув чело,
Читал письмо. «Таблички мне, Хуан!
Гонзальво где?» —

«На бриге, капитан!» —
«Так, хорошо, снеси приказ ему.
В походе сам участие я приму,
Готовы будьте ж к делу моему!» —
«Сегодня в ночь?» —

«Да, ночь мы подождем!
Свежее ветер вечером, чем днем.
Мой плащ и латы! Через час уйдем!
Надень свой рог, а также посмотри,
Не заржавел ли карабин внутри,
И надо меч мой наточить опять,
Да пусть исправит мастер рукоять.
Последний раз, когда был бой суров,
Меч утомлял меня, а не врагов.
И помни, чтоб с закатом прозвучал
К отплытью в море пушечный сигнал».

8

Они спешат послушно, — снова в путь,
Хотя и не успели отдохнуть.
И все ж они не ропщут, а молчат.
Кто будет спорить, раз сказал Конрад?
Таинственный и мрачный человек,
Не улыбнется, не вздохнет вовек.
При имени его любой храбрец
Бледнеет под загаром, как мертвец.
Он правит, изумляя без конца,
И властным словом леденит сердца.
Но что за власть, чей беззаконный ход
Понятен всем, так всех к себе влечет?
Что отдает их воле одного?
Власть Разума и Мысли торжество!
Удачи блеск, умение в борьбе
Чужую слабость подчинять себе.
Он их руками правит; одному
Их подвиги присвоены ему.
Так было, будет впредь: как крот слепа,
На одного работает толпа.
Но пусть не судит тот, чья доля — труд,
Того, к кому добычи все текут:
Когда б он знал, как этот крест тяжел,
Он горести свои бы предпочел.

9

Поступками на демона похож,
Герой преданий был лицом хорош;
Мы красоты в Конраде не найдем —
Лишь темный взор его горит огнем.
Он крепок, хоть не Геркулес, и стан
Его высок, хоть он не великан,
Но посмотревший на него смущен
Сознанием, что от всех отличен он.
И видят все они, что это так,
Но отчего — им не понять никак.
Лицо обветрено, на белый лоб
Густых кудрей спадает черный сноп,
Надменные мечтанья гордый рот,
Обуздывая, все же выдает.
Хоть ровен голос и спокоен вид,
Но что-то есть, что он в себе таит;
Изменчивость подвижного лица
Порой влечет, смущает без конца,
И кажется, что прячется под ней
Игра глухих, но яростных страстей.
Кто может знать?.. А кто спросить готов?
Угрюмый взгляд не допускает слов
Не многие способны смельчаки
Открыто посмотреть ему в зрачки.
Когда ему в упор встречать пришлось
Взгляд острый и пронзающий насквозь,

Противника игру он понял вмиг
И взором в душу сам ему проник;
Тот скрытых мыслей утаить не смог,
Но тайны у Конрада не извлек.
Усмешка дьявольская на устах
Внушает бешенство и тайный страх,
А если гневно изогнется бровь,
Беги надежда и прости любовь!

10

Нет на челе преступных дум следов, —
В груди ж его мятежный дух суров.
Любовь ярка, но гордость, гнев, обман
Улыбки горькой заволок туман.
Лишь складка губ иль бледность щек и лба
Покажут вдруг, что в нем идет борьба
Глубоких чувств; увидит больше тот,
Кто невидимкой тайно подойдет.
Тогда, сжав руки и подняв глаза,
Он слушает, как в нем растет гроза,
И вздрагивает, если близкий шаг
Непрошенный крадется, словно враг;
Тогда нет маски на лице его,
И чувств свободных крепнет торжество,
Они растут, и жгут, и леденят,
Румянят щеки, зажигают взгляд.
Тогда, прохожий, если сможешь ты

Глядеть, не вздрогнув, — вот его мечты!
Смотри, — на грудь его, как глыбы льда,
Язвящей памятью легли года!
Смотри, — но нет на свете мудреца,
Что тайну душ постиг бы до конца.

11

И все ж его природа не звала
Вести преступных, быть орудьем зла.
Он был совсем другим, пока на бой
Людей и небо не позвал с собой.
Разочарован в жизни без конца,
С большим умом, с поступками глупца,
И слишком стоек и самолюбив,
Обману обречен и несчастлив,
Он добродетель счел виной всему —
Не тех, кто изменял и лгал ему;
Когда б на лучших расточал дары,
Ту радость знал бы и до сей поры;
Обманут, избегаем все сильней,
Он с юных лет уж презирал людей
И, гнев избрав венцом своих утех,
Зло нескольких стал вымещать на всех.
Сам зная о себе, что он злодей,
Других считал преступнее и злей.

Про честного он думал: лицемер!
И ставил дерзкого ему в пример.
Он знал, что ненавидим, нелюбим,
Но знал, что враг трепещет перед ним.
Он непонятен был, и дик, и нем,
Не связан чувством никогда ни с кем.
Он удивлял, он был в поступках смел,
Но презирать его никто не смел.
Ты червяка раздавишь, но с тоской
Помедлишь над уснувшею змеей.
Червь погибает, смерть не отомстив,
Змея умрет, но враг не будет жив:
Его петлей опутает она,
Раздавлена, но не побеждена.

12

Но возле сердца, смутно и темно,
Ютилось чувство нежное одно:
Казалась страсть ему в других жалка —
Игра ребенка или чудака,
И все же страсть его мутила кровь,
И даже в нем она звалась — любовь!
Непобедимый, неизменный зной,
Пылающий для женщины одной.
Он часто видел пленниц молодых,
Их не искал и не бежал от них.

Томились многие в тюрьме его
И не дождались взгляда одного.
Любовь — глубокой нежности полна,
В соблазнах, в горестях закалена,
Крепка в разлуке, вдалеке горда,
Все та же — чудо — долгие года!
Разбитые надежды, злые сны
Ее улыбкою отражены.
Болезнь, тоску иль ярости прилив
Он перед ней скрывает, терпелив,
Спокойно перенести готовый все,
Лишь только бы не огорчить ее;
Бежать не мысля, к бегству не вольна,
Коль есть любовь на свете — вот она!
Он был злодей, — и горестный поток
Упреков мрачных заслужить он мог,
Но добродетель в нем была одна
Сильней злодейства — вечна и нежна.

13

Остановился он, пока отряд
Тропинкою на берег шел назад.
«Как странно! Я не раз бывал в огне,
Но этот бой последним мнится мне.
Так чует сердце! Все ж в нем страха нет,

И в битву я пойду, как для побед.
Навстречу смерти незачем бежать,
Но здесь остаться — значит смерти ждать;
Коль замысел хорош — удача в нем,
И плачущих для тризны мы найдем.
Пусть спят они, и сон их будет тих.
В таких лучах не грело солнце их,
Как эта ночь (но, ветер, дуй сильнее!)
Согреет сонных мстителей морей.
Теперь к Медоре! Сердце сжалось... пусть
Ей будет незаметна эта грусть.
Я смелым был, но и толпа смела!
Ведь, защищаясь, жалит и пчела.
Простая храбрость с зверем нас роднит,
Ее усилья страх десятерит —
Цена ей грош: других я ждал утех,
Уча моих сражаться против всех.
Лить кровь напрасно не давал я им,
Теперь же мы умрем иль победим!
Да будет так — и пусть угаснет свет.
Но их веду и знаю — бегства нет!
Себя я проклинаяю и виню,
Что в эту я попался западню.
Поставить все на карту? в страшный час
И власть и жизнь — все потерять за раз?
О Рок!.. Вيني безумье, а не рок...
Но подождем — еще не вышел срок».

14

Так говорил с собой он; в этот миг
Своей высокой башни он достиг
И замер на пороге — из окна
Струилась песня, бурна и нежна.
Любимый голос сладостно звенел,
И вот слова, что этот голос пел:

«На сердце тайна у меня живет,
Ее я не открою никому.
Когда мы вместе, то она цветет
И снова молча падает во тьму.

Ночной лампы золотая нить, —
Горит в душе моей незримый свет,
И черный мрак не в силах погасить
Его лучей, хоть их почти что нет.

О, не забудь меня! Скажи «прости»,
Но на могиле вспомни иногда.
Лишь одного нет сил перенести —
Тобою быть забытой навсегда.

Пролей, прошу тебя в предсмертный час —
И просьб моих уж не услышишь вновь, —
Единственный, последний, первый раз
Одну слезу за всю мою любовь».

Он преступил порог, прошел портал,
С последним звуком он вошел к ней в зал:
«Моя Медора! песнь твоя грустна!» —
«Конрада нет — невесела она!
Хоть ты не слышишь эту песнь мою,
Все ж душу в ней свою передаю,
Все ж мысль моя в ней царствует, чиста.
Немолчно сердце, хоть молчат уста.
Как часто ночью сны, как злой дурман,
Вдруг окрыляют ветер в ураган,
И легкий бриз, надувший парус твой,
Мне мнится наступающей грозой.
Напев могильный слышит в нем мой страх
Тебе, погибшему в седых волнах;
И я бегу, чтоб посмотреть маяк —
Не погасил ли свет коварный враг.
И долго блещут звезды с высоты,
И будет утро — но далеко ты!
О, как мне сердце ветер леденил,
Для мокрых глаз как день вставал не мил!
Все снова я искала вдалеке
Твой парус, посланный моей тоске.
И наконец — был зноем день томим —
Вдруг парус, но он скоро стал незрим,
Потом другой — и этот был твоим!
Пройдут ли эти дни? Когда-нибудь
Захочешь ли, Конрад, ты отдохнуть?

Ты так богат, и множество домов
Прекраснейших нам предлагают кров.
Ты знаешь, я страшусь не за себя,
Но я дрожу, когда здесь нет тебя,
За эту жизнь, что так мне дорога,
Но от любви бежит на зов врага;
И это сердце, нежное ко мне,
Проводит жизнь и в брани и в огне».

«Да, сердцем изменился я, пойми.
Как червь раздавленный — я мстил, как змий.
Вся радость на земле — в твоих устах
Да слабый луч прощенья в небесах.
Но злоба, что клянешь ты, не тая,
Есть то же чувство, что любовь моя.
Они так связаны, что если я
Мир полюблю, то разлюблю тебя.
Но нет, не бойся! Прошлые года —
Залог любви безмерной навсегда.
Но... пусть слеза не смочит милых глаз, —
Мы расстаемся снова и... сейчас!» —
«Ах, сердце чуяло... уедешь ты...
Так вечно тают сладкие мечты.
Сейчас? возможно ль, — в этот самый миг?..
Но в бухту только что вошел твой бриг;
Другой в отсуствии, а экипаж
Уверен, что ему ты отдых дашь.

Друг! шутишь ты иль хочешь уж сейчас
Разлуки дальней подготовить час?
Ты забавляешься моей тоской,
Но шутки слышать не хочу такой!
Молчи, Конрад! Пойдем со мной! Нас ждут
За трапезой покойный ряд минут.
Тебе готовить яства — легкий труд!
Плоды тебе собирая для стола
И не умея выбрать, я брала
Прекраснейший; я долго вдоль гряды
Искала самой ледяной воды.
О, как шербет сегодня сладок твой,
Как он сверкает в вазе снеговой!
Вино тебе не навевает снов:
К нему, как мусульманин, ты суров.
Я не браню тебя, нет! я хвалю
Прекрасную воздержанность твою.
Уж стол накрыт, и лампа зажжена
Серебряная; ночь нам не страшна.
Я девушек своих здесь соберу,
И мы затеем песни иль игру.
Моя гитара сладкие мечты
Тебе навевает, или хочешь ты,
Чтоб повесть Ариосто я прочла,
Как брошена Олимпия была?
И знай, ты был бы хуже во сто раз,
Чем тот злодей, когда б ушел сейчас.

Тот вождь... Но, помнишь, улыбнулся ты,
Когда, увидев с этой высоты
Скал Ариадны дальние черты,
Сказала я шутя, хоть жег мне грудь
Страх, что случится так когда-нибудь:
«И от меня навек уйдет Конрад!»
И вот он обманул... придя назад».

«Назад — назад, всегда назад к тебе,
Пока он жив, пока не пал в борьбе,
Вернется он — теперь же близок час,
Разлука птицей настигает нас.
Не спрашивай: зачем? куда пути?
Ведь все равно нас оборвет «прости».
Будь время, все б тебе открыл я сам...
Не бойся: этот враг не страшен нам,
Здесь оставляю крепкий гарнизон,
Готов к защите и к осаде он;
Я уезжаю, но не будь скучна:
Средь жен и дев ты будешь не одна.
Когда ж мы снова встретимся, мой друг,
Спокойствие украсит наш досуг.
Но слышу рог! Играй, Хуан, играй!
Дай поцелуй! Еще!.. еще! Прощай!»

Она вскочила, бросилась к нему,
И сердцем погрузился он во тьму,

Не смея прочитав в ее глазах
Тоску, не растворенную в слезах.
Волос упавших светлая волна
Была прелестной дикости полна.
Едва дышала грудь, где он один
Навек всех чувств был полный господин.
Чу! гулкий выстрел возвестил закат!
И проклял солнце в этот миг Конрад.
Он прижимал к себе — опять, опять —
Ту, что его пыталась удержать.
На ложе снес ее, свою любовь,
Взглянул, как будто не увидит вновь.
Здесь было все, что в жизни он нашел.
Поцеловал, шагнул — как? он ушел?

15

«Ушел? — Не в первый раз уж этот крик
Ей в сердце одинокое проник. —
Ведь он был здесь тому назад лишь миг —
И вдруг...» Она рванулась на порог,
И хлынул слез отверзшийся поток.
Они ей чужды, тяжело их снести,
И все же губ не разомкнет «прости»!
Ведь в этом слове — хоть мы верим, ждем,
Надеемся, — отчаяние в нем.
На строгий мрамор белого чела
Печаль неизгладимая легла.

А взгляд больших влюбленных синих глаз
Застыл недвижно и почти угас.
Вдруг этот взгляд на милого упал.
Как оживился он, как заблистал,
Хоть мрак ресниц, пушистый и густой,
Еще был влажен горькою росой!
«Ушел!» — и руку поднесла к глазам,
И медленно воздела к небесам,
Потом взглянула: океан бурлил,
Был поднят парус. Ей не стало сил!
Пошла от двери, словно с похорон.
«Покинута... И это явь, не сон!»

16

С утеса на утес спешит Конрад,
Он головы не повернет назад.
Он содрогнется, если поворот
Откроет то, что так его влечет:
Пустынный замок там, над крутизной,
Что видит с моря он, спеша домой;
Ее, звезду печали, чьи лучи
Его находят в море и в ночи.
Не должен думать он, что здесь любим, —
Хоть здесь покой, но гибель вместе с ним.
Но раз помедлил, он желанья полн
Отдать все воле случая и волн;
Нет, он разлуку с болью перенес,

Но вождь не знает власти женских слез.
Он видит бриг, он слышит ветра шум,
С усилием отрывается от дум
И снова поспешает дальше; вдруг
Его ушей достиг неясный звук
Тревоги шумной делового дня:
Сигналы, крики, всплески, суетня;
На мачту лезет юнга, якорь стал,
Уж паруса надул попутный шквал,
И с берега приветствуют платки
Всех тех, что скоро будут далеки.
Он видит: алый вымпел вознесен,
И мягкости своей дивится он.
Огонь — в глазах, в груди — безумный зной,
Теперь он тверд и стал самим собой.
Он мчится, он летит — и вскоре бег
Его приводит на песчаный брег.
Он бег сдержал не с тем, чтобы вздохнуть,
Наполнив океанским ветром грудь,
Но чтобы шаг размерен стал опять,
Чтоб пред людьми бегущим не предстать.
Конрад знал тайну, как владеть толпой,
Под маскою скрывая облик свой.
Его сухой, высокомерный вид
Внушает уваженье и страшит,
Спокойна поступь и надменен взор —
В них вежливый, но ледяной отпор:

Все к послушанью призывает в нем...
Но он привлечь умеет и добром.
Тому, с кем ласков он, а не суров,
Его слова ценнее всех даров,
И, кажется, из глубины идет
Приветливый и низкий голос тот.
Но ласковым бывает редко он —
Поработать и властвовать рожден,
Считать привыкший в людях с юных дней
Повиновение всего ценней.

17

Охрана здесь на берегу ждала.
Стоял Хуан. «Ну, каковы дела?» —
«На бриге все, и шляпка у камней
Ждет только вас!..» —
«Мой меч и плащ! скорей!»
Уж к поясу пристегнут крепко меч,
И темный плащ спадает с ловких плеч.
«Позвать мне Педро!» Вот он. И Конрад
Его приветствует, как друг и брат:
«Таблички ты прочтешь! Они важны,
В них указанья ценные даны.
Удвоишь стражу и отдашь приказ
Ансельмо, как вернется он, тотчас.
Пройдут три дня, и полдень золотой
Возврат наш озарит!.. Друг, мир с тобой!»

Пирату верному он руку жмет,
Надменный, как всегда, садится в бот,
И весла, погружаясь в глубину,
Свеченьем ярким бороздят волну.
Вот и корабль, на палубе — Конрад;
Свисток свистит: все к парусам спешат.
Как точно слушается бриг руля!
Команду ободряет вождь, хваля.
К Гонзальво взоры обращает он.
Но вдруг он вздрогнул; чем он омрачен?
Высокий замок перед ним возник,
И вновь он пережил разлуки миг.
Медора! смотрит ли на бриг она?
Любовью к ней его душа полна.
Но до восхода слишком много дел —
Он, стиснув зубы, больше не глядел.
В каюте, сев с Гонзальво у стола,
Он обсуждает с ним свои дела
И развивает план свой, горделив,
При свете лампы карту разложив;
До поздней ночи разговор течет,
И времени они забыли счет.
Меж тем попутный ветер свеж и прям;
Как сокол, бриг несется по волнам,
Минует острова, ему пора
Скорее в порт — задолго до утра.
Но вот увидели в ночной тиши

Средь бухты множество галер паши.
Считают их и видят, что заснул
Беспечный мусульманский караул.
Бриг незамеченный их миновал
И лег в засаду меж высоких скал.
Его скрывал гранитный черный мыс,
Чей странный выступ над водой навис.
Конрад призвал команду — не от сна:
Всегда готова к подвигам она, —
И был, над плещущей волной царя,
Спокоен он, о крови говоря.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

...conosceste i dubbiosi desiri?
Dante, Inferno, V, 120.*

1

Залив Корони от галер пестрит,
Из окон города свет ламп разлит.
Затеял нынче пир паша Сеид,
Тем пиром торжествуя наперед,
Как он пиратов пленных приведет;
А в этом поклялся Аллахом он;
Фирману верный, был он принужден
Стянуть сюда весь флот могучий свой;

* ...тайный зов страстей?
Данте, Ад, V, 120.

Матросы бродят шумною толпой
И спорят о призах один с другим,
Забыв, что враг еще недостижим.
Сомнений нет, что солнечный восход
Пиратов побежденными найдет.
Покуда ж часовые могут спать,
Когда хотят, и в грезах убивать.
А у кого велик избыток сил,
На грехах тот свой изливает пыл.
К лицу герою с чалмоносным лбом
Кичиться храбростью перед рабом!
Он грабит дом, но жизнь щадит пока...
Сегодня милосердная рука
Не бьет затем, что сила велика,
Хотя иной уже разить готов,
Воображая завтрашних врагов.
Гуляет, буйствует паши оплот.
Кто хочет жить, смеется с ними тот
И подает им лучшие блюда.
Когда уйдут, — их будут клясть тогда.

2

Высоко в зале возлежит Сеид.
Сонм бородатых шейхов вокруг сидит.
Пилав доеден, шумный пир затих.
Паша пьет вина, хоть запрет на них,

А остальным плодов и ягод сок
Рабы подносят, как велел пророк.
Дым чубуков струится все сильнее,
И вьется в пляске легкий рой альмей.
Заря увидит шейхов на волнах,
Ночное море им внушает страх;
Гуляке слаще спать среди перин,
Чем над ревущей бездною пучин.
Пируй; а надо драться, так в борьбе
Корану доверяй, а не себе;
И все ж так многочисленны войска,
Что их победа кажется легка.

3

С поклонами приходит от ворот
Раб, караулящий наружный вход;
Сперва коснулся он рукой земли,
Потом его уста произнесли:
«Бежавший из пиратского гнезда
Здесь дервиш; может он войти сюда?»
Короткий взгляд Сеида он поймал
И ввел святого человека в зал.
Ладони дервиш на груди скрестил,
И слаб был шаг его и взор уныл.
Его состарил пост, а не года.
Бескровным сделала его нужда,

И небесам была посвящена
Под капюшоном черная копна.
Скрывали складки рясы стан его
И грудь, что пела бога одного.
Выдерживал спокойно взгляды он,
Его сверлящие со всех сторон
И жаждающие знать, какую весть
Паша сейчас позволит произнести.

4

«Откуда ты?» —

«Меня держал пират,

Но спасся я...» —

«Где и когда ты взят?» —

«Из порта Скаланова на Хиос
Шел наш корабль; но счастья не принес
Нам тот поход: товаром овладел
Пират с командой; плен был наш удел.
Других богатств я потерять не мог,
Как лишь свободу выбора дорог.
Однажды ночью, в душной тишине,
Рыбачий бот надежду подал мне,
И я бежал, и здесь укрылся я.
И кто ж, паша, страшится близ тебя?»

«Ну, что пираты? как у них дела?

Готова ли к защите их скала?

Не чуют ли, что пламя навсегда
Сотрет следы змеиного гнезда?» —
«Паша! у пленного печален взгляд,
И быть шпионом может он навряд.
Я только слышал, как шумит волна,
Спасти меня из плена не вольна,
И видел блеск сияющего дня,
И был он слишком ярким для меня.
Я знал — чтоб радостным опять мне быть,
Свои оковы должен я разбить.
Но сам судить ты можешь, раз я тут, —
Они опасности совсем не ждут;
Бежать бы рвался ночи я и дни
Напрасно, если б стерегли они;
Но тот, кто не видал, как я бегу,
Беспечно даст приблизиться врагу.
Паша! я слаб и морем утомлен,
Нужна мне пища, нужен крепкий сон.
Позволь уйти мне! Мир тебе! Прости.
Мир всем вокруг! Дай отдых, отпусти!»

«Стой, дервиш! Я не все еще спросил!
Ты слышишь?.. Сядь, коль нехватает сил.
Накормит раб тебя и напоит.
Пируем мы, ты тоже будешь сыт.
Поевши, дашь ответ, о чем спрошу,
Полно и ясно — тайн не выношу».

В смущенье все на дервиша глядят.
Он бросил на Диван недобрый взгляд,
И пиршество не нравится ему,
И нет в нем уваженья ни к кому.
Как в лихорадке, в нем вскипела кровь,
Но лишь на миг, — он стал спокоен вновь;
Он сел в молчании, и строгий взор
Был полон мира, как и до сих пор.
Пир длился; дервиш отвергал блюда,
Как будто яд подмешан был туда.
Но после дней жестокого поста
Таким бесстрастным был он неспроста!

«Ты болен, дервиш? Ешь... Иль этот дом —
Дом христиан? или враги кругом?
Ты отвергаешь соль — священный знак!
С тобою соль деливший уж не враг:
Враждебные связует племена,
Братает ненавидящих она!»

«Соль приправляет лакомства; еда
Моя — коренья, а питье — вода;
И мой обет и мой закон таков:
Не ем ни средь друзей, ни средь врагов.
Пусть будет странным то, что я скажу,
Но головой своей не дорожу:

За власть твою — нет! за султанов трон
Не стану есть, не преступлю закон.
Когда б его нарушил, то пророк
Не дал бы в Мекку мне найти дорог».

«Что ж, хорошо! Пути ты ищешь в рай...
Ответь мне только, а затем ступай.
Их сколько?.. Как, уж день?... иль свет звезды?
Что там за солнце встало из воды?
Туда! Туда! На зарево беды!..
Предательство! Где стража? О пророк!
Пылает весь мой флот, а я далек!
Проклятый дервиш!.. Взять его в тюрьму!..
Так ты шпион! Держите! Смерть ему!»

Поднялся дервиш заодно с огнем.
Была ужасной перемена в нем;
Поднялся дервиш — больше не святой,
А воин вдруг, бросающийся в бой:
Снял капюшон, хламиду сбросил с плеч,
Блеснули латы, ярко вспыхнул меч,
Взвилось над шлемом черное перо,
И взгляд зажегся мрачно и остро.
Он адским духом показался им,
Который бьет, но сам неуязвим.
Смятенье дикое и темный жар,
Внизу свет факелов, вверху пожар,

Крик ужаса и смешанный с ним стон,
Проклятья громкие и ятаганов звон!
И самый воздух адом насыщен!
Рабы, спасаясь, видят, как во сне,
В крови весь берег, океан в огне.
И камнем крик паши идет ко дну:
«Взять дервиша! Держите сатану!»
Их видя ужас, с сердца сбросил тот
Отчаяния неподвижный гнет:
Ведь слишком рано; раньше, чем он ждал,
Пожар зажжен, хоть не был дан сигнал.
Их видя ужас, он свой рог схватил
И коротко, но резко протрубил.
Ему ответили... «Ответ мне мил!
И вашей быстроте не верил я!
И думал — бросили меня друзья».
В его руке мелькает лезвие,
Он мстит за промедление свое;
Их сводит бешенство его с ума,
Хоть он, как перст, один, а их — их тьма.
И множество тюрбанов тут и там
Лежат раскрытые пополам.
Сеид, измучен, разъярен, тесним,
Сражаясь, отступает перед ним.
Хоть он и смел, но все ж его страшит
Противника великолепный вид!
И, видя флот, пожаром залитой,

Он, вырвав бороду, бросает бой.
Уже пираты ворвались в гарем,
Несутся, смертью угрожают всем.
Рабы бросают меч, моля с тоской
Пощады, — тщетно: кровь течет рекой!
Корсары ломятся туда скорей,
Куда звал рог Конрада, где сильней
Стон жертв, где озверевшие мольбы
Свидетельствуют им исход борьбы.
Он перед ними, одинок и смел,
Как тигр насыщенный среди груды тел!
На их привет он кратко отвечал:
«Паше готовлю смерть, но он бежал!
Еще не все доделаны дела:
За флотом — город должно сжечь дотла!»

5

Они хватают факелы в ответ —
Пылает все: дворец и минарет.
В глазах вождя жестокий блеск возник,
Но вдруг погас — внезапный женский крик
Был для него как похоронный звон;
В боях бестрепетный — тут вздрогнул он.
«Они в гареме! Не прошу вину
Тому из вас, кто тронет хоть одну:
Мечь рока упадет на наших жен.
Мужчина — враг, пусть будет он сражен,

А нежный пол быть должен пощажён.
Да! Я забыл! Но небеса и ад
Смерть беззащитного нам не простят.
Еще не поздно! Я зову вас всех
Снять с наших душ хотя бы этот грех».
Взлетел по лестнице и в дверь вошел,
Хоть жег ступни ему горящий пол,
Хоть черный дым душил, стесняя грудь,
Из зала в зал он пролагал свой путь.
Нашли! Спасли! Несут сквозь гарь и жар
Добычу, полную волшебных чар;
Заботлив каждый; пестует, как друг,
Беспомощной красавицы испуг.
Так вождь умеет усмирять их нрав,
Кровавые их руки удержав.
Но кто же та, что он спасать готов
Среди развалин тлеющих столбов?
Любовь приговоренной им души —
Краса гарема и раба паши!

6

Гюльнару он приветствовал едва
И не был щедр на теплые слова.
Покуда доблесть поступала так,
Объятый страхом, отступавший враг,
Погони не увидя за собой,
Замедлил бег и вновь рванулся в бой.

Сеид смотрел, и вдруг он увидел,
Что был отряд корсаров очень мал.
И вспыхнул он: вот что наделал страх
И неожиданность в его рядах!
Аллах! Аллах! Отмщенье возопит!
В слепую ярость вырастает стыд.
Зуб за зуб! Кровь за кровь! Пусть подтвердят,
Что миг удачи повернул назад.
Бежавший — в бой бросается теперь,
Разивший — защищается, как зверь.
Конрад опасность видит, видит он —
Его отряд врагами окружен.
«Сломаем цепь, прорвемся сквозь нее!»
Сомкнулись, бросились — напрасно все.
Сильней теснимы дикою ордой,
Без страха, без надежд кончают бой.
Уж беспорядка их ряды полны:
Они разбиты, смяты, сражены,
Но каждый борется еще, как лев,
И падает на землю, ослабев,
Удары расточая до конца,
И меч блестит в руке у мертвеца!

7

Но прежде чем вернулся враг назад
И с ним сражаться бросился Конрад,
Гарем с Гюльнаррой, солнечным цветком,

Доставлен был в магометанский дом
И безопасностью там окружен,
И слезы высохли у дев и жен.
Прелестная Гюльнара смущена;
Припоминая, думает она
О том, каким учтивым был пират,
Как, был приветлив голос, мягок взгляд.
Как! тот корсар, запачканный в крови,
Добрее, чем Сеид в часы любви?
Паша, лаская, ждал, чтобы она
Была той ласкою восхищена;
Корсар спасал и говорил тепло,
Как будто быть иначе не могло.
«Мне суетная мысль волнует кровь:
Того вождя хочу увидеть вновь.
Свершил он подвиг смелый и большой,
Спасая жизнь, забытую пашой».

8

Его увидела она: стеснен,
Завидую убитым, дрался он.
Своих он потерял, но страшно враг
Платил за каждый выигранный шаг.
Упал в крови, но смерти не найдя,
И взяли в плен сраженного вождя
Затем, чтоб искупал вину и жил,
Чтоб месть его терзала свыше сил,

За каплей каплю кровь беря из жил,
Чтоб знал Сеид, жесток, нетороплив,
Что, вечно умирая, все ж он жив.
Победоносный вождь! Как, это он,
Чей взмах руки был только что закон?
Да, он! Обезоруженный стоит,
Не огорчен лишь тем, что не убит.
Ничтожны раны, кровью не истечь,
Он целовать готов разящий меч.
И неужели раны не хотят
Его отправить... в небо или в ад?..
Из всех один неужто не умрет
Он, потерявший им, сраженным, счет?
И он познал все то, что знает тот,
Кого низверг Фортуны поворот.
Гнев победителя сулил ему
Ужасных пыток медленную тьму,
И он страдал; но гордость, что вела
Его ко злу, снимала грусть с чела.
Торжественной суровостью хорош,
Конрад на победителя похож.
Ослаб от битвы, от засохших ран,
Но взор уверен и не согнут стан.
Хоть громко издали его клянет
Забывший страхи прежние народ,
Бойцы к нему почтения полны
И мужеством его удивлены.

А мрачный страж, ведя его в тюрьму,
Присматривался с ужасом к нему.

9

Явился лекарь, чтобы посмотреть,
Что может он еще перетерпеть;
Нашел, что цепь ему не тяжела,
И обещал, что пытка будет зла:
Назавтра солнце, опускаясь в дол,
Увидит казнь сажания на кол,
А утром, начиная новый бег, —
Как эту казнь выносит человек.
Страшней и длительнее пытки нет.
Сверх страшных мук — томящей жажды бред.
Смерть не придет, не сжалится судьба.
Лишь коршуны кружатся вокруг столба.
«Воды! воды!» Но не омочит рот
И капля влаги: выпив, он умрет.
Вот приговор Конраду! Все ушли,
И он один в оковах и в пыли.

10

Хоть много чувств кипело в нем глухих,
Но он и сам не разбирался в них.
Бывает хаос в сердце и в уме,
Когда все спутано и все во тьме.
Сил потревоженных разорван круг,

И угрызение проснулось вдруг,
Как демон злой, молчавший много лет,
Когда все кончено — дает совет.
Напрасный голос! Разум не смущен,
Тот чужд раскаяния, кто силен!
И даже в час, когда душа полна
И для себя раскрыта вся до дна,
Нет страсти, нету мысли ни одной,
Что остальных затмила бы собой,
Лишь, как на смотр, летит со всех сторон
Живых воспоминаний миллион.
Тщеславие мертво, любовь нема,
И под угрозой честь и жизнь сама;
Восторг иссяк, лишь ненависть жива
К тому, кто не скрывает торжества;
Уныло прошлое, а впереди
Ни злого, ни хорошего не жди!
Дела, слова и мысли, что года
Не вспоминались, выплыли тогда!
То, что казалось просто и светло,
Вдруг преступленьем на сердце легло;
Ужасен смысл зла, скрытого от глаз,
И тайный грех губителен подчас.
Здесь все, что возмущает, взор страха, —
Как гроб разверстый: голая душа
Во всей печали, — гордость все ж сильна,
И разбивает зеркало она.

Да, гордость скроет, смелость даст отпор.
Все поправимо — только не позор.
Страх знает каждый! Скрыть его от всех —
Хоть ложь, но все-таки похвальный грех.
Не тот, кто чванством потрясает твердь, —
Храбр тот, кто молча принимает смерть
И так привык к «последнему прости»,
Что сам встречает смерть на полпути!

11

В высокой башне, в крепостных стенах,
Конрад сидит, закованный в цепях.
Погиб дворец паши в пожаре, — тут
И пленник и весь двор нашли приют.
Не кажется Конраду жребий строг:
Казнил Сеида так же, если б мог.
Он в одиночестве — и погружен
В свое бывшее; но не грустен он.
Одну лишь мысль не смог он перенести:
«О, как Медора примет эту весть?»
Тогда — тогда лишь! — был на все готов
И рвался в исступленье из оков.
Потом нашел забвенье иль покой
И рассмеялся над своей тоской.
«Пусть завтра пытка истерзает грудь, —
Чтоб твердым быть, мне нужно отдохнуть!»

Подполз к матрацу, слабостью томим,
И сны мгновенно овладели им.
Начался бой лишь час тому назад,
И времени не тратил зря Конрад.
Секундам цену знает и злодей,
Свершая преступленья поскорей.
За час один с ним столько перемен:
Был дервишем, разил, был схвачен в плен,
Смотрел на пламя, слушал ветра гул,
Губил, спасал, попал в тюрьму, уснул.

12

Он спит спокойно, даже иногда
Дыханья нет, — о, если б навсегда!
Он спит. Но кто над этим сном склонен?
Враги ушли, друзей не знает он.
Иль он утешен ангельским гонцом?
То женщина с божественным лицом!
В руке лампада; свет ее прикрыт,
Чтоб вдруг не осветить того, кто спит,
Незримой скорбью истомленных век,
Что, раз открыв, закроет он навек.
Прекрасна, темноглаза и строга,
В кудрях ее сверкают жемчуга,
Легка, как тень, ступни обнажены,
Как снег слепительны, как снег нежны.

Но как сквозь стражу пробралась сюда?
О, женщины бесстрашны иногда,
Когда влечет их жалость и беда!
Гюльнаре не спалось; пока Сеид
Во сне с пиратом пленным говорит,
Она вскочила, взяв кольцо-печать,
Что ей привычно было надевать,
И с ним прошла сквозь непроглядный мрак,
Показывая сонной страже знак.
Они устали, давит тяжесть грудь,
Им, как пирату, хочется уснуть.
Зевая и от холода дрожа,
Не сторожат уж больше сторожа:
Подымутся, посмотрят на печать
И, не спросив: «Зачем?» — уснут опять.

13

Она дивилась: «Спит спокойным сном!
Другие плачут и скорбят о нем,
И мой покой его судьбой смущен.
Зачем внезапно стал мне дорог он?
Да, правда, жизнь мою и честь он спас
И от позора оградил всех нас...
Но думать поздно! Сон его смущен!
Он дышит тяжело... вот проснулся он!»
Он поднял голову и, ослеплен,

Своим глазам сперва не верил он;
Пошевелинул рукой, и звон оков
Вернул его в тюрьму из царства снов.
«Что за виденье вижу пред собой?
Неужто так красив тюремщик мой?» —
«Меня не знаешь ты! Суров и смел,
Не много совершил ты добрых дел.
Взгляни и не забудь! Ты спас меня
От ужасов позора и огня!
Зачем к тебе пришла, хоть ночь темна?
Хочу помочь — мне смерть твоя страшна». —
«Красавица, ты будешь здесь одна,
Кому конец мой не зажжет очей.
Победа их!.. пусть пользуются ей!
Но все же их любезность высока:
Прекрасней не встречал духовника».
Как странно, что в союзе иногда
С веселостью смертельная беда!
Так хочет обмануть себя тоска
Улыбкой, но улыбка та горька.
Мудрейший и прекраснейший идет
С забавной шуткою на эшафот!
Так обмануть не стоит ничего
Сердца людей, — все, кроме одного.
Что б ни было с Конрадом, в этот миг
Смех дико развязал ему язык
И сеть морщин разгладил на челе, —

В последний раз, быть может, на земле.
Смех не к лицу тому, кто жизнь свою
В унынии провел или в бою.

14

«Корсар! ты на смерть осужден! Но я
Перед пашой защитница твоя.
Тебя жалею я, хочу, чтоб жил.
Сейчас для бегства у тебя нет сил.
Но что могу, то сделаю, чтоб скор
Не был бы так твой страшный приговор.
Ты видишь, большего нельзя сейчас,
А неудача гибельна для нас».

«Готов на все! Мне чужды боль и страсть!
Я низко пал, мне ниже не упасть...
Не соблазняй, свободою маня:
То недостойно было бы меня.
Ужель бегу, врага не победив,
Из всех моих один останусь жив?
Есть женщина — о ней скорблю душой,
И взор мой увлажняется слезой.
Мне озаряли мрак земных дорог
Мой бриг, мой меч, моя любовь, мой бог.
Покинув бога, я покинут им
И волею его теперь казним.
Не оскорблю молитвой горний трон,

Как трус, что молит, страхом удручен.
Я все снесу, и не раздастся стон.
Пусть выбит меч из недостойных рук —
Он был мне верный и надежный друг!
Пусть бриг на дне — лишь о моей любви
Готов молитвы расточать мои.
О! к жизни лишь она меня зовет.
Но смерть моя ей сердце разобьет,
Увянет цвет... Гюльнара, до тебя
Я равных ей не замечал, любя». —
«Другую любишь? Что мне до того?
Что? Ничего!.. навеки ничего...
И все ж... ты любишь! Как счастлива та,
Что верным сердцем верно понята,
Не зная пустоты, грез не тая,
Не мучаясь о вымыслах, как я». —
«Как, ты того ласкаешь, не любя,
Кому я из огня вернул тебя?» —
«Любить пашу? Любить его! О нет!
Старалась прежде я найти ответ
На страсть его, но лед в моей крови.
Я знаю: без свободы нет любви.
А я раба, хоть избрана пашой,
Хоть кажется, что счастлива душой!
Я сердце опрашиваю иногда:
«Ты любишь ли?» — но не ответит: «Да!»
Как выносить ту нежность тяжело мне,

Сражаясь с отвращеньем в глубине,
И, ужас в сердце затаив своем,
От одного скрывать другого в нем!
Берет он руку — ах! мне все равно,
И кровь течет спокойно, холодно;
Отпустит — падает, как не жива,
И ненависти нет, и страсть мертва.
Лобзание не греет мне уста,
Я ледяною дрожью облита.
Когда б я знала чувств горячих пыл,
Быть может, гнев мне б сердце обновил,
Но встреч не жду и расстаюсь легко.
Он — здесь, я в мыслях — где-то далеко.
Приходят думы — я боюсь и жду,
Когда до омерзенья я дойду.
Чем быть его женою, — что мне честь! —
Я рабство предпочла бы дальше несть.
Когда б ту страсть развеяли ветра,
Когда б ласкал другую до утра,
Счастливой стала б я — еще вчера!
Коль любящей я буду в эту ночь,
Знай, пленник, — это чтоб тебе помочь.
Я жизнь за жизнь тебе надеюсь дать.
И будешь ты с любимой опять
Делить любовь, которой мне не знать.
Прощай! уж утро! Пусть мне будет ложь
И тяжела — но завтра не умрешь».

15

Прижала к сердцу пленника персты,
И были грустны нежные черты;
Потом исчезла, как чудесный сон.
Была ли здесь? Один ли снова он?
Но на цепях его горит алмаз —
Слеза, пролитая из ясных глаз
Святой и сострадательной тоской,
Граненная нездешнею рукой.

Волнующа, опасна, как гроза,
Пленительная женская слеза!
Оружье слабой женщины, она,
Как щит и меч, спасительно сильна.
Что Добродетель перед ней сама,
Раз Мудрость сходит от нее с ума?
Пал целый гордый мир, бежал герой
За робкой Клеопатриной слезой.
И многие — не только триумвир —
Земной теряли и небесный мир
И принимали ужас вечной мзды,
Чтоб выручить кокетку из беды!

16

Уж утро. На чертах его немых
Играет луч, но нет надежды в них.

Что ждет его? Быть может, на чело
Опустит ворон черное крыло,
Его сомкнувшимся глазам незрим,
И сядет солнце, и роса, как дым,
Прохладою тумана своего
Все оживит, но только не его!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

...come vedi, ancor non m'abbandonna.
Dante, Inferno, V, 105.*

1

Холмы Мореи превратив в пожар,
Садится медленно багровый шар;
Нет, здесь не Север, где обвит он мглой. —
Здесь блеск неомраченный и живой!
И желтый луч, пронзая глубину,
Сверкает сквозь зеленую волну,
Эгинских скал позолотив хребет,
Бог радости последний шлет привет;
В родной стране он длит конец зари,
Хоть здесь его разбиты алтари.
Уж тени гор бросают длинный клин
На твой залив, суровый Саламин!

* ...он со мной пребыл неразлучным.

Данте, Ад, V, 105.

Их арок голубых далекий ряд
Багрянцем зажигает жаркий взгляд,
И краской нежной, видною чуть-чуть,
Бог отмечает свой веселый путь,
Покуда, мрак раскинув в ширину,
За скат Дельфийский не сойдет ко сну.

В такой же вечер так же цвел закат,
Когда — Афины! — умирал Сократ.
О, как была страшна ночная тень,
Кончавшая его последний день!
О нет! о нет еще!.. и день не гас,
И долго длился драгоценный час.
Но что лучи тому, чей меркнет взор?
Ему безрадостно сверканье гор.
Заря казалась скудна и тускла,
А прежде Феб не хмурил здесь чела.
Еще он не зашел за Киферон,
А кубок с ядом был уж осушен, —
Бесстрашно тот покинул мир земной,
Кто жил и умер, как никто иной.
Чу! над Гиметтом, высока, светла,
Царица ночи медленно взошла.
Предвестник бурь — туманное кольцо —
Не закрывал ей дивное лицо;
Колонна возносила в лунный хмель
Свою сверкающую капитель,

И, словно разлитой дрожащий свет,
Серп воссиял, венчая минарет.
Густые рощи трепетных олив,
Там, где Кефис струится, говорлив,
Печальный, черный кипарис, мечеть
И над киоском блестящая медь,
И пальма, чей таинственный шатер
На храм Тезея тени распростер, —
Все чар полно и взоры все влечет,
И лишь бесчувственный здесь не вздохнет.

Опять беззвучно море, присмирив,
Баюкая в груди уснувший гнев,
И волны нежной радугой горят,
То золотой, то изумрудный ряд
Сливая с тенью дальних островов,
Где океан и ласков и суров.

2

Не о тебе пою, но мысль с тобой!
Увидев моря твоего прибой,
Как имя я твое не назову?
Как не отдамся снова волшебству?
Афины! Солнца твоего заход
Кто видел раз, уж не забудет тот.
И сердцем сквозь пространство и года
К Цикладам я прикован навсегда.

Но не чужда героям ты моим:
Конрадов остров прежде был твоим,
Тебе его с свободой возвратим!

3

Закат потух. Последние лучи
Истаяли, и мечется в ночи
Медоры сердце, — третий день минул,
И нет его! ее он обманул!
А ветер слаб, и ласков моря гул.
Вернулся бриг Ансельмо; ничего
Они не знали о судьбе его.
Когда б Конрад — о, если бы он знал! —
Один вот этот парус подождал!
Поднялся сильный бриз. Весь день вдали
Ей мачты чудились и корабли.
Гонима нетерпением, она
К ночному берегу сошла одна
И там бродила; яростный прибой
Мочил ее одежды, гнал домой.
Покинуть берег нехватало сил,
Ей холод только сердце леденил.
Уверенность росла, страшной всех мук, —
Она б сошла с ума, явись он вдруг.

И наконец... потрепанный баркас!
Гребцы увидели ее тотчас.

Измучены и скупы на слова,
Они сказали, что спаслись едва,
И замолчали, слов не находя,
Чтобы гадать об участи вождя.
И что могли сказать? Ведь неспроста
Им вид Медоры связывал уста.
Все было ясно! Не склонив чела,
Она всю тяжесть горя приняла.
Величье чувств, готовое к борьбе,
Плоть нежная ее несла в себе.
Была надежда — плакала она;
Погибло все, и вот она сильна.
И эта Сила говорила ей:
«Уж ничего не может быть страшней!»
Такой же темной мощностью согрет
Жестокой лихорадки жаркий бред.

«Безмолвны вы, но в вашем сердце тьма.
Не говорите!.. Знаю все сама!
Хочу спросить... а губы не хотят...
Скорей ответьте, где лежит Конрад?»

«Не знаем, госпожа! Но говорит
Товарищ наш, что не был он убит...
Он был пленен, в крови... но он был жив!»

Она не внемлет: волю сокрушив,
Прорвались чувства, хлынув, как волна.

Ее душа была побеждена:
Она шатается и падает; прибой
Готов ей быть могильной пленой.
Здесь много грубых рук и мокрых глаз.
И помощь ей оказана тотчас:
Кропят водой, стараются поднять,
И жизнь к ней возвращается опять...
Позвав к ней жен и девушек скорей,
Которые расплакались над ней,
Идут к Ансельмо: будет нелегко
Сказать о том, что было, коротко.

4

Они совет держали меж собой;
Их речь дышала мстью и борьбой.
Ни отдыха, ни страха! Как везде,
Был дух Конрада с ними и в беде.
Что б ни было, те, чей был вождь Конрад,
Коль жив — спасут его, коль мертв — отмстят.
Враг, берегись! Еще не сражены
Все, кто храбры и чьи сердца верны.

5

В своем гареме сумрачный сидит
И думает о пленнике Сеид.

И мысль его то в неге, то во тьме:
То близ Гюльнары, то опять в тюрьме.
У ног его рабыня, без конца
Готова тень сгонять с его лица.
На взгляд огромных пристальных зрачков
Не отвечает взглядом он, суров.
И кажется, что к четкам он склонен,
Но мысленно терзает жертву он.
«Паша! настал твой час... Какой удар
Тобою нанесен!.. В плену корсар.
И он умрет... он заслужил того.
Но что та смерть для гнева твоего?
Ценой сокровищ эта голова
Могла бы выкуплена быть сперва:
Пиратский клад богат, неоценим.
О, если б, мой паша, владел ты им!
Пиратапустишь, но возьмешь опять.
И трудно ли затравленного взять?
Остатки шайки, коль умрет Конрад,
В другие страны увезут тот клад».

«Когда б за каплю крови он мне дал
За каждую алмаз или опал,
Когда б за каждый волос вместо мзды
Сияли горы золотой руды
И сказочные клады всех времен
Лежали б здесь, — не откупился б он!

И час бы я не медлил ни один,
Когда б над ним я не был господин.
Я страстно выбираю мечь мою
И, долго муча, долго не убью».

«Сеид, твой гнев смягчить я не хочу.
Он слишком справедлив, и я молчу.
Хотелось мне добыть тот ценный клад
Тебе, — отпущен, не уйдет пират,
Бессильный, потерявший мощь и рать:
Прикажешь ты — он будет взят опять».

«Он будет взят опять... И должен я
Его пустить... когда в руках змея?
Простить врага? Чья просьба? Ах, твоя!..
Ходатай мой прекрасный! хочешь ты
Так отплатить за проблеск доброты,
С какой гяур спасал одну лишь ту,
Чью, верно, не заметил красоту?
Его превозношу за это сам.
Но дай ушко, совет тебе я дам:
Тебе не верю, женщина! От слов
Твоих сомненьям доверять готов.
В его объятых, бросив свой сераль,
Скажи, мечтала ль ты бежать с ним вдаль?
Ответ не нужен — вижу, как зажег

Преступный пламень бледность этих щек.
Смотри, прекрасная, поберегись,
И не о нем одном теперь молись!
Лишь слово... Нет... молчи на этот раз...
Будь проклят миг, когда тебя он спас
Из пламени, уж лучше б ты... Но нет...
Был без тебя бы горек этот свет.
Обманщица! ты слишком уж смела.
Тебе подрежу быстрые крыла.
Напрасных слов я тратить не люблю,
Но знай, измены я не потерплю!»

Он встал и медленно к дверям пошел,
С угрозой на устах, угрюм и зол.
Ты плохо знаешь женщину, Сеид!
Проклятие ее не утрашит.
Тебе ль представить, как она
Бесстрашна в гневе и в любви нежна.
Она обижена; ей невдомек,
Что корень состраданья так глубок.
Сама рабыня, знает всю печаль
Она неволи, пленника ей жаль.
И вот, не думая себя беречь,
Опять о нем она заводит речь,
И вновь свирепствует паша... пока
Не закрадется в сердце к ней тоска.

6

Меж тем страшны, без радостей, без дел,
Тянулись дни и ночи. Он был смел.
Но ужас и сомненья этих дней!
Ведь каждый час мог смерти быть страшной,
Ведь каждый раб, что за стеной прошел,
Мог быть за ним, вести его на кол.
Ведь каждый звук, раздавшийся во мгле,
Мог быть уже последним на земле.
Но дух его, надменен и суров,
Был смерти чужд и к смерти не готов.
Он был измучен, но безмолвно нес
Сомнения ужаснее угроз.
Тревога бури, битвы жаркий шум
Не оставляют времени для дум.
Но, ослабев от непривычных пут,
Стать жертвой настроений и минут,
Припоминать и каяться себе
В своих ошибках и в своей судьбе,
Хоть ничего уж не вернешь назад;
Считать мгновенья, что к концу спешат,
Без друга, кто потом сказать бы мог,
Что перед смертью ты не изнемог,
А черной клеветою вражья рать
Последний час твой рада запятнать;
Ждать мук, которых не страшится честь,
Но телу, может быть, не перенести;

Глубоко знать, что за единый стон
Ты будешь доблести своей лишен;
Жизнь оставляя здесь, взамен не ждять
Небесную скупую благодать,
Эдем неверный, — но земной свой рай
Терять, возлюбленной сказав: «Прощай!»
Вот мысли, что переносил Конрад, —
Тоску смертельней, чем телесный ад.
И он терпел ее! Хватало ль сил?
Не все ль равно — раз он переносил!

7

Проходит день — Гюльнара не идет,
Второй и третий — он напрасно ждет.
Но все же в том, что он живет еще,
Угадывает силу чар ее.
Прошел четвертый день, и ночь пришла.
Был мрак жесток, была погода зла.
Как шумом моря наслаждался он!
Впервые этот шум был так силен.
И дикий дух, желаний диких полн,
В ответ на грохот разъяренных волн
Как часто взнуздывал крылатость ту,
Как буйную любил он быстроту!
И каждый всплеск в ушах звучал родным...
Так близок... но, увы! недостижим.

Протяжно выла буря; и кругом,
Все сотрясая, с силой падал гром;
Но за решеткой молний борозды
Ему милей полуночной звезды.
К окошку цепь свою он приволок:
О, если б смерть найти сейчас он мог!
К сполохам поднял руку в кандалах,
Моля, чтоб тело обратили в прах;
Их призывали и мольбы и сталь —
Но, не сразив, гроза умчалась вдаль.
Все тише гул... Как будто страшный стон
Неверным другом был пренебрежен!

8

Пробила полночь. Легкий шаг к дверям
Приблизился... затих... помедлил там.
Ключ повернулся, загремел засов:
Она! К ее приходу он готов.
Как ни погряз в грехах он, в эту тьму
Прекрасный ангел послан был ему.
Но изменилась в эти дни она,
Так стала трепетна и так бледна.
Был взгляд ее тревожен и несмел,
Он говорил без слов: «Смерть — твой удел»...
«Смерть — твой удел, и близок страшный час,
Но все же пытка хуже во сто раз». —

«Что мне спасенье! так три дня назад
Я говорил... Не стал другим Конрад!
Зачем пирата хочешь ты спасти?
Свой приговор он заслужил нести.
За все дела, которых и не счесть,
Наградой будет мне Сеида мечь».

«Зачем хочу спасти тебя?.. Тот раз
Меня от страшной участи ты спас.
Зачем? Ты, как слепой, не видишь ничего,
Коль не узнал волненья моего.
Скажу ль тебе о том, чем вся полна?
О чувствах женщина молчать должна.
Преступный, душу ты смутил мою,
Тебя боюсь... жалею... и люблю.
Но о другой не говори мне вновь,
Напрасной не зови мою любовь:
Пусть хороша другая и нежна,
Того, что я, не сделала б она.
И разве, сердцем преданным любя,
Покинула б я одного тебя?
Жена корсара!.. Что же господин
Ее скитается всегда один?
Не возражай... теперь не к месту речь:
На волоске висит над нами меч!
Коль не боишься рваться напролом —
То вот тебе кинжал! Встань и пойдем». —

«Да, в кандалах! Пожалуй, слишком тих
Меж спящих сторожей пройду я в них.
Ты не подумала про цепь мою?
И это ли оружие в бою?»

«Неверный... Стражу подкупила я,
Готовя к бунту, золотом маня.
Скажу лишь слово — цепи упадут.
Была б я разве без подмоги тут?
Я говорила с ними день и ночь,
Была коварна, чтоб тебе помочь.
...Нет! наказать тирана не грешно.
Конрад! Паша умрет... так быть должно!
Ты содрогаясь? Но как простить?
Я им оскорблена, я жажду мстить.
Он обвинил в неверности меня, —
Не изменяла я, обет храня.
Да! Смейся... только в чем моя вина?
Тебя не знала и была верна.
Но так сказал он, ревностью томим,
И над тираном злобным мы свершим
Судьбу, предсказанную им самим.
Меня купив, был щедр он, может быть,
Но сердца моего не смог купить.
Была безропотной — он смел сказать,
Что я с тобой хотела убежать.
Но пусть авгур познает торжество:

Исполнится пророчество его...
Ты жив еще не по моей мольбе:
Готовит он мучения тебе
И мрак отчаянья — своей рабе.
Да, мне грозит он: но пока влюблен,
Для прихоти меня оставил он;
Когда же чар рассеется туман, —
Мешок готов и близок океан!
Что ж? Так и быть игрушкой для глупца,
Покуда краски не сойдут с лица?
Тебя увидела, тебя люблю
И благодарность докажу мою.
Когда бы не грозила мне беда
(Угрозы выполняет он всегда!),
Тебя б спасла, не трогая пашу.
Вот, я твоя! тобой одним дышу!
Меня не любишь и не знаешь ты.
То — первый гнев мой... первые мечты...
Ты б не боялся, испытав меня,
Души Востока страстного огня.
Он твой маяк спасения, он тот,
Что в гавани нас к шлюпке приведет,
Но в комнате, там, где наш путь лежит,
Спит — не проснется больше он — Сеид!»

«Гюльнара! до сих пор я сам не знал,
Что так бессилён и так низко пал;

Сеид, мой враг, готовил гибель мне
В открытой, хоть безжалостной войне;
И я пришел на корабле своем,
Чтобы разить разящего мечом;
Мое оружие меч, а не кинжал,
Я спящих никогда не убивал.
И не для этого тебя я спас,
Не дай о том мне пожалеть сейчас.
Теперь прощай! Найди себе покой.
Коротким будет сон последний мой!»

«Сон! сон! А завтра хлынет пот со лба,
И будешь корчиться вокруг столба.
Но взор мой не увидит муки той,
И если ты погибнешь, — я с тобой!
Жизнь, ненависть, любовь мою, корсар, —
Все на земле решает твой удар!
Как без того бежим мы? Ведь Сеид
Догонит нас. И не отмщу обид...
Всю молодость... ужасные года!
Один удар сотрет их навсегда.
Но если только меч ты признаешь,
То женская рука подымет нож.
Корсар! с удачей я вернусь сюда —
Иль мы не встретимся уж никогда.
И завтра солнце, в нашем встав краю,
Увидит саван мой и казнь твою».

9

Исчезла прежде, чем ответил он,
Но он следил за ней, воспламенен;
И, цепи подобрав свои как мог,
Чтобы, звеня, не путались у ног,
Взволнован видом отпертых дверей,
Он бросился в проход, спеша за ней.
Мрак, повороты, и в ночной тиши
Нигде ни лампы, ни живой души.
Вдруг сумеречный свет мелькнул сквозь тьму.
Что обещает этот луч ему?
Он наугад идет... вот холодок
Предутренный ему лицо обжег.
Он — в галлерее... перед ним встает,
Уже бледнея, звездный небосвод,
Но он не смотрит даже — огонек
В покое дальнем взор его привлек.
Туда опешит: из двери на него
Струится свет, и больше ничего.
Скользнула тень, во мраке неясна,
Остановилась... дрогнула... Она!
Но нет следов содеянного зла.
«Она убить Сеида не смогла!..»
Но взор ее исполненный огня,
Внезапно испугался света дня,
Поток волос отбросила она,
Лицо скрывавший, словно пелена,

Как будто наклонялась перед тем
Над кем-то, кто ужасен был и нем.
Он видит — чуть заметно и бледно,
Ее рукой оставлено пятно
На лбу, где черная змеится бровь,
Знак преступления — чужая кровь!

10

Он видел битвы... он в тюрьме скорбел,
Угадывая страшный свой удел,
Терпел соблазн и кару, был суров
Под беспросветным бременем оков
И, зная бой, плененье и позор,
Ни перед чем на свете до сих пор
Так не бледнел в ознобе ледяном,
Как перед этим пурпурным пятном.
Неясный знак, почти что ничего —
Но вся краса исчезла для него!
Он часто видел кровь, не дрогнув, — та
Была мужской рукою пролита.

11

«Все кончено! Он лишь вздохнул во сне...
Он мертв... и дорого ты стоил мне.
Теперь слова напрасны все... Прочь!.. прочь!..
Нас ждет баркас... уж миновала ночь...

И пусть примкнет, кто предан мне и смел,
К тем из твоих бойцов, кто уцелел.
А мой поступок объясню потом,
Когда от берега мы отойдем».

12

Ударила в ладоши — и скорей
Бегут и мавр и грек, покорны ей.
Они спешат с него оковы снять.
Как ветер гор, свободен он опять,
Но на душе смертельно тяжело,
Как будто бремя уз туда легло.
В молчании Гюльнаррой подан знак,
Открылась дверь, ведущая во мрак.
Они спешат, и вот уж у их ног
Волна ласкает золотой песок.
Конрад — за ними. Равнодушен он
К тому, обманут он или спасен.
Он ко всему готов и терпелив,
Как если бы паша еще был жив.

13

Играет ветер, паруса шуршат,
И погрузился в прошлое Конрад.
Внезапно вырос черной грудой скал
Мыс, где недавно якорь он бросал.

С той ночи минули — так коротки! —
Века злодейства, ужаса, тоски.
Когда ж над мачтою утес навис,
Закрыв лицо, его склонил он вниз
И вспомнил все: Гонзальво, час борьбы,
Свою победу, поворот судьбы.
Но, грустью по возлюбленной томим,
Он поднял взор — убийца перед ним!

14

Гюльнара изнывает оттого,
Что видит отвращение его,
И гаснет жаркий гнев в ее глазах
И в поздних проливается слезах.
Ему сжимает трепетно персты:
«Пусть не простит меня Аллах, но ты...
Что было бы с тобой, когда б не я?
И хоть сейчас не упрекай меня!
О, ночь ужасная! Себя сама
Не узнаю... почти схожу с ума.
Любви не зная, зла не совершив,
Была б чиста, но ты бы не был жив!»

15

Она ошиблась: он ее ни в чем
Не обвинял, вина себя во всем.

В его груди, незримы, глубоки,
Изнемогали мысли от тоски.
А между тем бриз гонит их домой,
Лазурный вал играет за кормой.
Вдруг точкой... бликом... парусом возник
Из дальней мглы вооруженный бриг.
На нем давно заметили баркас
И парусов прибавили тотчас:
И приближается к ним с быстротой
Высокий нос и пушек грозный строй.
Вдруг вспышка! За баркасом взрыв волну,
Шипящее ядро пошло ко дну.
Тогда от дум очнулся вдруг Конрад,
И радостью его зажегся взгляд:
«Мой бриг... мой алый флаг... Кто б думать мог?..
Я на море еще не одинок...»
На бриге узнают сигнал и крик
И шлюпку на воду спускают вмиг.
Уж с палубы приветствуют его,
На лицах всех восторг и торжество.
Взволнован каждый и безмерно горд,
Следя, как снова всходит он на борт;
Улыбка раздвигает им уста,
И радость искренняя их проста.
Он, вдруг забыв беду и неуспех,
Как старый вождь приветствует их всех,

Ансельмо руку жмет и уж опять
Готов приказывать и побеждать!

16

Но не один пират был огорчен
Тем, что без боя вождь их возвращен.
Неужто правда женщина могла
Свершить такие смелые дела?
Ее царицей сделают тогда.
Разборчивость Конрада им чужда.
К Гюльнаре взоры их обращены,
Улыбки изумления полны.
И смущена их любопытством та,
Кем кровь была бесстрашно пролита.
Чтоб скрыть лица тревожную игру,
Она спускает легкую чадру
И, руки на груди сложив крестом,
Покорно ждет, что будет с ней потом.
Безумным бешенством исступлена,
В любви, в борьбе чудовищна, нежна,
Все оставалась женщиной она!

17

Как мог ее не пожалеть Конрад?
Того, что было, не вернуть назад;

Его не смоют слезы тысяч глаз,
И небо покарает в страшный час.
Да! для того чтоб стал свободен он,
Кровь пролилась, кинжал был занесен,
И отдала она, забывши страх,
Все на земле и все на небесах!
На черноокою взглянул в упор;
Она печально опустила взор,
Смиренна, и покорна, и слаба.
Подчеркнута тенью бледность лба
И щек, — румяно лишь одно
Оставленное мертвецом пятно.
Он сжал ей руку; дрогнула она,
В любви покорна, в ярости страшна.
Он сжал ей руку, — и его рука
Уж не была сурова и жестка.
«Гюльнара... Милая!..» Ни слова — нет!
Лишь очи подняла ему в ответ
И молча бросилась ему на грудь!
Ее бесчеловечно оттолкнуть
Не согласилось сердце бы ничье,
И даже он не оттолкнул ее.
Не будь предчувствий у людских сердец,
Пришел бы верности его конец.
Изменой не был поцелуй его,
Он не просил иного ничего.

Второго слабость не смогла украсть
Для губ, чьи вздохи напоила страсть,
Для губ, чей аромат, казалось, был
Навеян взмахами незримых крыл.

18

На дальний остров уж спустилась мгла,
Но им знакома каждая скала.
В их гавани шум, голоса, свистки,
Привычный свет струят к ним маяки,
Навстречу им уже спешат челны,
И прыгают дельфины из волны,
И даже чаек хриплый, резкий стон
Приветствием веселым окрылен!
И каждый луч в решетчатом окне
Им говорит о друге иль жене.
О, как очаг священен для того,
Кто с гребней моря смотрит на него!

19

Там, где маяк сияющ и высок,
Конрад Медоры ищет огонек.
Но нет! Как странно: изо всех одно,
Ее окошко не освещено.
Как странно: он не встречен в первый раз!

И неужели свет ее угас?
На берег первым мчатся он готов,
Нетерпеливо торопя гребцов.
О, если б крылья сокола иметь,
Чтоб на вершину, как стрела, взлететь!
Но вот передохнуть гребцы хотят.
Их ждать нет сил! Уже в воде Конрад,
До берега добрался вплавь, потом
Наверх тропинкой поспешил бегом.

Вот он у двери... В башне тишина
Глубокая, и ночь вокруг темна.
Он громко постучал, но ничего
Не говорит, что слышали его.
Он постучал слабее, и робка
Была его дрожащая рука.
И кто-то дверь открыл, но не она.
Не та, что так любила, так нужна!
Молчание... и дважды он вопрос
Хотел задать, но все ж не произнес.
Взял факел... — все увидит он сейчас! —
Но уронил его, и тот погас.
Другого не подумал ждать огня,
Как здесь не стал бы ждать прихода дня.
Но в темном коридоре, где он шел,
Далекий свет чертил тенями пол.

И он вошел к ней... и увидел то,
Что сердце знало, страхом облито.

20

Он стал без слов, вперив недвижный взор,
И больше не дрожал, как до сих пор.
Так смотрим мы, боря печаль и бред,
Боясь сознаться, что надежды нет!
Она цвела спокойной красотой,
И смерть оставила ее такой.
И вложены холодные цветы
В холодные и нежные персты.
Казалось, спит она притворным сном,
И было бы смешно рыдать о том.
Скрывали шелк ресниц и холод век
То, перед чем бледнеет человек.
Смерть не жалеет блеска ясных глаз,
И волей смерти разум в них угас.
Пришел закат двух голубых светил;
Но рот еще всю прелесть сохранил.
Вот-вот улыбкой дрогнет уголок,
И лишь на миг так замкнут он и строг...
Но пелена, но каждая из кос —
Ряд светлых и безжизненных волос —
Бывало разлетались, так легки,
И летний ветер с них срывал венки!..

Все дышит смертью, мрачен облик весь,
Она ничто... Тогда зачем он здесь?

21

Зачем вопросы? Правдою была
Недвижимая мраморность чела.
Не все ль равно, как смерть она нашла?
Его любовь, надежда лучших дней,
Живая радость, всех других нежней,
Единственное в мире, что любил,
Похищено; он это заслужил,
Но он страдал. У праведных есть свет
Спасительный, его у грешных нет.
Гордец, себе избравший здесь, внизу,
Земной восторг и горькую слезу,
Теряет все, лишаясь пустяка.
Но всем потеря радостей горька!
Порою мужественный взор таит
Глухую боль мучительных обид,
И безнадежностью подавлен тот,
Кому улыбка изгибает рот.

22

Тот говорит о муках не легко,
Кто их переживает глубоко.

Без счета мысли сходятся к одной
И замкнуты безвыходной стеной.
Для тайны сердца слов не подберешь,
И многословное страданье — ложь!
Конрад до дна опустошен тоской,
И мертвый в сердце у него покой,
И так он слаб, что взор влажнит слеза,
И горько плачут гордые глаза.
Но малодушия глухой порыв
Вскрывает муки, их не облегчив.
Когда б один он не был, никогда
Не пролилась бы горькая вода.
С разбитым сердцем, без надежд, без сил,
Уйдя отсюда, их он осушил.
Восходит солнце — день Конрада сер!
Приходит ночь — ей нет краев и мер!
Страшнее мрака нет, чем ночь сердец,
И горе — безнадежнейший слепец!
Смотреть боится, прячется во тьму,
И не найти поводыря ему.

23

Добра не ведав, злу предался он,
Обманут рано, долго обольщен.
Но мысль его, как капля, что течет,
Просачиваясь сквозь пещерный свод,

Свершив свой путь, уж больше не светла,
Но холодом и камнем проросла.
Вдруг молния ударила в утес;
Как он, Конрад грозы не перенес.
Над краем бездны расцветал цветок,
В своей тени утес его берег,
Гром поразил обоих, — и разбит
Лилеи цвет и сумрачный гранит.
От молнией сожженного цветка
Не сохранилось даже лепестка;
А где стоял его холодный друг,
Осколки черные лежат вокруг!

24

Уж утро. Кто же грусть его прервет?
Ансельмо на скалу к нему идет.
Там нет его, он не сходил к воде;
До ночи ищут, не найдя нигде.
И снова день, и нет его опять;
Лишь эхо устает им отвечать.
Пядь каждая обыскана земли:
От шлюпки цепь на берегу нашли,
И тотчас вышли в море корабли.
Напрасно все — день катится за днем,
Конрада нет, и нет вестей о нем.
И нет нигде судьбы его следа:

Погиб ли он иль скрылся навсегда?
Пираты плакали о нем одни...
Медоре камень возвели они.
Конраду памятник не водружен:
Кто знает, может быть не умер он —
Корсар, чье имя воскрешает вновь
Тьму преступлений и одну любовь.

